

ГЛАВКОМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА АЛЕКСЕЙ ЭВЕРТ: МЫ ПРЕДАТЕЛИ СВОЕГО ГОСУДАРЯ!

ПУБЛИКУЕМ РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ОДНОГО ИЗ ИНИЦИАТОРОВ ОТРЕЧЕНИЯ НИКОЛАЯ II

Г

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт (1857—1918), простой и любезный человек, как его характеризовал современник¹, был одним из самых влиятельных участников отречения императора Николая II. И жестоко расплатился за это...

До последнего времени считалось, что он дожил в СССР до 1926 года и занимался пчеловодством². Приоткрыть завесу тайны над гибелью генерала позволили мемуары его вдовы Надежды Игнатьевны Эверт (урожденной Познанской), до сих пор не оцененные историками по достоинству.

⁰¹

Генерал от инфантерии
Алексей Ермолаевич
Эверт.

Безутешный отец

1917 год начался для семьи Эвертов с трагедии. 16 февраля в Смоленске умерла 22-летняя дочь генерала: доктора поставили неверный диагноз. За войну Эверты потеряли уже второго ребенка — от брюшного тифа погиб сын Всеволод. Генерал держался: «Я вел тяжелые, ответственные бои, когда узнал о безнадежном положении Всеволода... с минуты на минуту ждал известия о его смерти, а, быть может, и о твоей вместе с ним, — говорил он супруге. — Господь помог все перенести; тяжело было, горе и говорить, но разве мы одни переживаем горе, редкая семья в России не потерпела утрат!»³

Тогда же рядом с могилой дочери на Покровском кладбище Эверт приобрел место для себя и супруги⁴.

Похоронив дочь, Эверт с женой в тот же день уехал в Минск — в штаб фронта. А через несколько дней начали поступать все более и более тревожные известия о волнениях в Петрограде.

Нарушитель присяги

В столицу направляется карательный отряд генерала Н.И. Иванова. Эверт, знавший реальное положение в войсках, заметно волновался, что отчетливо передается в воспоминаниях его жены: «Надежные части... а где их взять?! 2 года идет пропаганда на фронте. Я уверен, что эти надежные части до Петрограда не доедут, только бы сели, чтобы не пришлось прибегать к крутым мерам!»⁵

На отречение Николая II 2 марта главком отреагировал своеобразно. «Муж ходил, глубоко задумавшись, из угла в угол, потом обратился ко мне: «Теперь моя главная забота, чтобы не прекратилось железнодорожное сообщение; по сообщениям из Петрограда там продовольственных запасов хватит на 20 дней, как бы я был счастлив, если бы такое положение было на фронте, но увы, дай Бог, чтобы хватило запасов на 3 дня; задержится подвоз на один день, начнется недоедание в армии, этим, конечно, воспользуются, и бунт в армии неминуем. Объявил, что за малейшее нарушение железнодорожного движения буду применять самые строгие меры»⁶.

А на следующий день генерал открылся супруге: «Знаешь, что мне пришлось сделать, — нарушить присягу, обратиться к государю с просьбой отречься от престола, все главнокомандующие обратились с этой просьбой, считают, что это — единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной»⁷»⁸.

До конца своих дней Эверт испытывал угрызения совести за свои действия.

02)

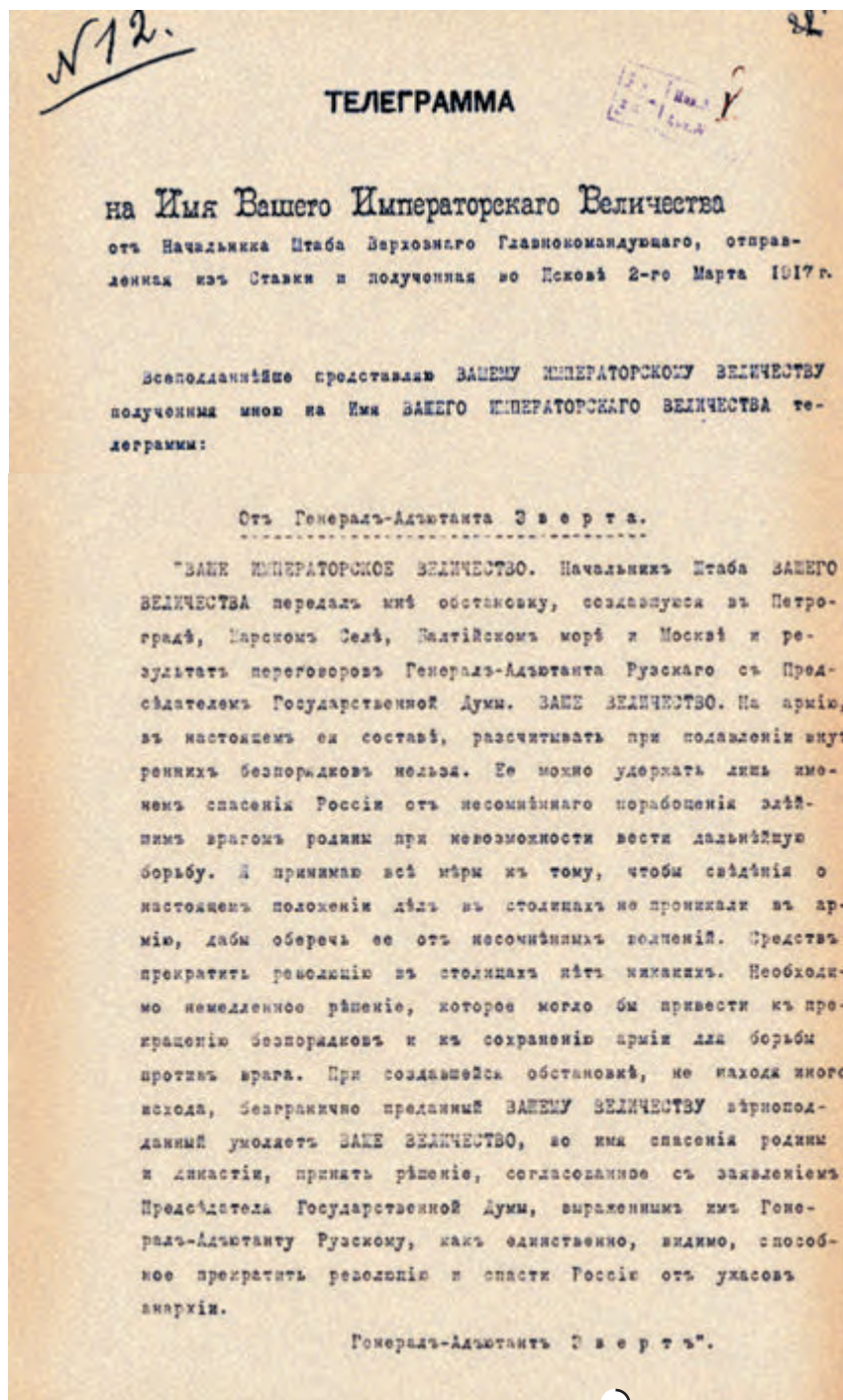

ЭВЕРТ ОТВЕТИЛ ПОСЛАНЦУ ВОЕННОГО МИНИСТРА РЕЗКО: ДЕМАГОГИЯ В АРМИИ ПРИВЕДЕТ К РАЗЛОЖЕНИЮ, ЧТО В ИТОГЕ СМЕТЕТ САМО ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. ВСКОРЕ ОН ПОЛУЧИЛ ПРИКАЗ О СВОЕМ УВОЛЬНЕНИИ

Убежденный монархист

Новая реальность ударила по инициаторам отречения незамедлительно. 3 марта Эверт отправил через Ставку в Петроград приветственную телеграмму новому правительству и им-

ператору Михаилу—брату Николая II, в пользу которого отрекся последний. Но Михаил тоже отрекся, а Ставка задержала поздравительную телеграмму. Получилось, что Эверт не поздравил Временное правительство. Это сразу дало повод для подозрений в контрреволюционности.

4 марта к Эверту явился видный общественный деятель Н.Н. Щепкин, направленный новым военным министром А.И. Гучковым. Миссия Щепкина состояла в том, чтобы убедить Эверта оставить свой пост: генерал (георгиевский кавалер, участник трех войн, отдавший армии 40 лет жизни) якобы не пользуется доверием фронта, к тому же его иностранная фамилия провоцирует слухи об измене⁹.

03)

°2

Император Николай II и генерал А.Е. Эверт. 1915 год.

°3

Телеграмма А.Е. Эверта в Ставку Верховного Главнокомандующего. 2 марта 1917 года.

Эверт ответил резко: демагогия в армии приведет к ее разложению, что итоге сметет само Временное правительство. Добавил совсем уже неприемлемое для новой власти: «Республиканский строй, который вы стремитесь ввести, неприменим к России. Конституция по образцу английской скорее соответствовала бы ей и, в таком случае, более подходящего конституционного монарха, чем вел[икий] кн[язь] Мих[аил] Алекс[андрович] трудно желать...»¹⁰

Щепкин уехал.

Вскоре Эверту пришла телеграмма военного министра с приказом покинуть должность¹¹.

Тихий обыватель

Первые дни после отставки Эверт стремился остаться один. Но видя страдания близких, через силу вернулся к нормальной жизни. И даже совершил с женой путешествие по революционной России на Кавказ. Но мысли генерала были о другом, «безысходная тоска, по-видимому, томила его»¹². Жена с болью замечала, что «отступление на Южном¹³ фронте и, в особенности, предательство на Западном—крайне болезненно отразилось на муже: по-видимому, на дне его души все еще теплилась надежда на спасение России, и только эти последние события убили ее окончательно... после этих событий в душе мужа наступила реакция—его боевые настроения постепенно сменились полным смирением перед волей Божьей. Он стал спокойнее относиться к окружающему, начал больше входить в интересы семьи»¹⁴.

Тогда же из Москвы генерал перевез в Смоленск тело сына; перезахоронение производилось с воинскими почестями¹⁵.

Алексей Ермолаевич уклонялся от участия в политической борьбе, не состоял в офицерских организациях. Мотивировал это тем, что не пользуется доверием Временного правительства и, значит, может скомпрометировать любые начинания. Не поддержал он и идею генерала М.В. Алексеева, тоже проживавшего в Смоленске (генералы ежедневно гуляли в Лопатинском саду, обсуждая ситуацию в стране), создать из офицерских организаций армию с базой на Дону и Кубани.

А 31 октября 1917 года власть в Смоленске взяли большевики.

Таганский арестант

«Вначале муж отнесся к большевицкому перевороту с полным спокойствием, — вспоминает жена. — Он не ждал от него большей угрозы для России, чем от Временного правительства и диктатуры Керенского. Для себя лично он тоже его не боялся, ему казалось, что раз он отстранился от всякой политики, большевики его не тронут...»¹⁶

Началось массовое бегство военных из города. Почему Эверт не скрылся от большевиков?

04

«Да на что я им нужен? Отбирать у меня нечего, и живу вне всякой политики, простым обывателем»¹⁷. Но при этом бывший главком продолжал ходить по городу в генерал-адъютантской форме! Однажды к нему подошел офицер, умоляя снять погоны с царскими вензелями, чтобы избежать насилия...

Живя на генеральскую пенсию (5855 руб. и эмеритура — дополнительный капитал от добровольных отчислений, вместе дававшие 8000 руб. в год), Эверты не знали нужды. Но национализация банков, обыски и реквизиции быстро подорвали материальное положение семьи. Генерала ограбила даже собственная прислуга. Но и в этой обстановке он не сконцентрировался на приземленном. В январе 1918 г. он, глубоко религиозный, вступил в общество защиты Смоленского собора, который, по слухам, большевики собирались разгромить¹⁸. А в феврале началось наступление немцев, и Эверт засобирался в Москву.

Здесь 14 февраля, на следующий день по приезде, он был впервые арестован новой властью. До конца апреля содержался в Таганской тюрь-

° 4
Б. Кустодиев. Октябрь в Петрограде. 1927 год.

° 5
Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант А.Е. Эверт.

ме. Хлопотами жены и авторитетного у большевиков бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевич (брата управляющего делами Совнаркома) был освобожден¹⁹. Уехал с супругой в тихую Верею, к родственнику. Но и здесь его настигли слухи о связях с контрреволюционерами...

И здесь же прозвучало его отчаянное, как крик, признание:

«20 июля пришло известие об убийстве государя. Оно совсем подкосило мужа. Он впал в свою прежнюю задумчивость, однажды у него вырвалось восклицание: «А все-таки, чем ни оправдывайся, мы, главнокомандующие, все изменники присяге и предатели своего государя! О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к государю с просьбой об отречении! Нас всех ожидает та же участь и поделом!»²⁰

Жертва самосуда

30 августа 1918 года в Петрограде застрелили чекиста Моисея Урицкого, в Москве в тот

же день был тяжело ранен Ленин. В ответ 5 сентября большевики объявили красный террор. Начались массовые аресты и расстрелы «буржуев» и офицеров. 20 сентября пришли за Эвертом²¹. На этот раз он содержался в Можайске. И вновь супруга обивала пороги партийных вождей и прежних сослуживцев мужа, приближенных к новой власти. Пыталась прорваться к Л.Д. Троцкому. Бывший генерал Н.И. Раттэль обнадежил Надежду Игнатьевну: «Троцкий — человек жестокий и не остановится перед уничтожением всякого на пути к достижению намеченной им цели, но бессмысленных жертв он не признает; он знает, что Ваш муж отстранился от всякой политики; кроме того, в данном случае имеет значение и его доверие ко мне — я поручился за лояльность Вашего мужа»²².

Если верить мемуаристке, Троцкий распорядился об освобождении Эверта, но генерала не выпустили из-за протестов ВЧК. Удалось лишь добиться перевода арестанта в Москву.

16 ноября на крыльях надежды жена генерала летит в Можайск. И здесь, как обухом по голове, — «по требованию Всерос[сийской] чрезв[ычайной] ком[иссии] б[ывший] главнокоманд[ую]щий ген[ерал] Эверт был выведен из тюрьмы для препровождения в Москву, по дороге сделал попытку к бегству и был расстрелян»²³.

КАК УБИВАЛИ ЭВЕРТА

«Арестованный упал сначала на колени...»

Надежда Игнатьевна не поверила, потребовала выдать тело мужа. Ей отказали. Убитая горем, она решается на собственное расследование:

«Оказалось, что его вывели из тюрьмы под предлогом препровождения в Москву по требованию Всерос[сийской] чрезв[ычайной] ком[иссии], в 7 час. утра на следующий день после последнего моего свидания с ним, т.е. 30/X—12/XI²⁴ под конвоем Богданова и другого чекиста Ярославцева. Повели мужа по направлению к вокзалу полем, по совершенно открытой местности, и, т.к. начинало уже светать, то попадались идущие навстречу, оказавшиеся невольными свидетелями этого убийства...»

По одной версии, между арестованным и конвойными завязался какой-то спор, конвойные как бы что-то потребовали от сопровождае-

мого ими, а тот отказывался и при этом остановился, потом арестованный пошел вперед, а конвойные сзади, и в это время раздался выстрел, после которого арестованный упал сначала на колени; затем последовал второй выстрел — уже смертельный.

По другой версии, из-за куста выскочил 3-й солдат и выстрелил в спину арестованному. Затем, все свидетельские показания сводились к тому, что убитый долго лежал на дороге и при нем остался один конвойный, а другой ушел»²⁵.

Симпатизировавший семейной паре Раттэль, узнав о случившемся, воскликнул: «Мерзавцы!»²⁶ Стал отговаривать вдову от рискованных поисков правды. Но остановить ее было невозможно. В милиции Надежда Игнатьевна узнала, что муж похоронен на Успенском кладбище Можайска

(через два с лишним года ей сообщает и местонахождение могилы, где она поставит крест). По свидетельству могильщика, Эверта похоронили «как был» — в солдатской шинели, фуражке и сапогах²⁷.

От женщины-врача вдова получила пулю от нагана, которая прошла тело генерала и застряла в шинели²⁸. Пуля эта с врезавшимся куском полотна генеральской рубахи сохранилась до наших дней в частной коллекции в Москве. Чекисты вернули вдове вещи мужа, включая его дневник²⁹. К сожалению, судьба этого важного документа неизвестна...

Неизвестно и то, как закончился жизненный путь Надежды Игнатьевны Эверт, которая, пройдя через нищенство, скитания, арест, эмигрировала в середине 1920-х годов в Чехословакию, где и написала свои воспоминания...

- ¹ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914-1918. М., 2010. С. 84.
- ² Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 50; Залесский К.А. Алексей Ермолаевич Эверт — забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 1 (14). С. 83-84. М.В. Оськин в новой работе упомянул о расстреле генерала, но ошибся в дате (Оськин М.В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016. С. 258).
- ³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 3.
- ⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 3.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Л. 4 об.
- ⁷ Разговор с мужем передан мною, конечно, не дословно, сохранен смысл их [т.е. слов] и его манера выражаться (прим. Н.И. Эверт).
- ⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4 об.-5.
- ⁹ Там же. Л. 7 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Л. 10 об. Также см.: Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917 гг. М., 2007. С. 333.
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 13 об.
- ¹³ Правильно — Юго-Западном.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 2 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 9 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 11 об.
- ²⁰ Там же. Л. 18-18 об. Также см.: Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С. 49.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 23.
- ²² Там же. Л. 33 об.
- ²³ Там же. Л. 45.
- ²⁴ Указаны даты по старому и новому стилю.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 46 об.-47.
- ²⁶ Там же. Л. 48 об.
- ²⁷ Там же. Л. 51.
- ²⁸ Там же. Л. 51 об.
- ²⁹ Там же. Л. 50 об.